

НИЖЕГОРОДСКИЙ ЛИСТОКЪ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА

புலவர் கண்ணன் சா. ரமணி, 2

Плата за объявление: за каждый день 20 к. за строку первого текста 10 к. за строку текста. Объявления краткосрочные, сезонные и годовые по особому соглашению.

Рукописи подлежат, в случае надобности, сокращению и изменению. Статьи, присланные без указания условий гонимости, принимаются безвозмездно. Возврат рукописей для редакции не обязательно, мелкие рукоп. не хранят.

Рукопись, присланная в редакцию, должна быть обозначена кодом, фамилией и адресом

Контора редакції отримала
приєма підписки і объявления
з п'ятно 10 ч. утра до 5 ч.
Редакція для личных объя-
с открыта отъ 1 ч. до 5 ч. д.

Памяти Чехова.

10-го іюля, въ девятый день кончины А. П. Чехова, утромъ, въ Успенскомъ храмѣ Ново-дѣвичьяго монастыря была отслужена заупокойная литургія, а затѣмъ на могилѣ покойнаго писателя панихида. Могила А. П. Чехова утопаетъ въ массѣ возложенныхъ вѣнковъ. Надъ могилой водруженъ деревянный крестъ съ датами рожденія и кончины А. П. Къ кресту прикрѣплена особой, пожелавшей остаться неизвѣстной, неугасимая лампада. На могилѣ передъ крестомъ вдѣланъ въ землю букетъ изъ полевыхъ цвѣтовъ съ слѣдующею надписью:

„Отъ печальной, бѣдной красками русской дѣйствительности—талантливѣйшему ея изобразителю. Не блещетъ красотой этотъ букетъ, но онъ взятъ отъ нетронутой культурой жизни, а какъ въ фактѣ жизни въ немъ найдется идея“.

Въ 4 часа дня на могилѣ А. П. Чехова была отслужена панихида при пѣніи хора монахинь. Послѣ панихиды было произнесено у могилы нѣсколько рѣчей.

В. А. Гольцевъ сказалъ: „Вчера и сегодня вся образованная Россія показала, какъ она знала и горячо любила А. П. Чехова. Семья его меня проситъ выразить всѣмъ лицамъ, высказавшимъ сочувствіе по поводу понесенной утраты, и всѣмъ, принявшимъ участіе въ похоронахъ А. П., сердечную благодарность. Наше глубокое горе смягчить неисцѣлимую печаль“.

Затѣмъ произнесъ рѣчь писатель В. М. Михеевъ слѣдующаго содержанія: „Я явился сюда, чтобы поклониться этой могилѣ не только лично за себя, какъ человѣка, пораженнаго скорбью о потерѣ русскаго писателя и дорогого мнѣ лично знакомаго, но и являюсь изъ среды

провинціи какъ представитель провинціальной жизни, провинціальной дѣятельности. А. П. Чехова въ русской печати называли совершенно справедливо поэтомъ сумерекъ русской дѣйствительности. Это справедливо! Никто, какъ А. П. Чеховъ, такъ ярко и типично не обрисовывалъ дѣйствительно сумеречность русской жизни; никто, какъ онъ, не умѣлъ найти въ этой сумеречности столько поэзіи, такъ тонко отмѣтить ее среди мрачныхъ условій русской жизни. Конечно, сумерки распространены и въ болѣе яркой столичной жизни, но въ провинціи эти сумерки еще болѣе видны, еще болѣе чувствуются. Сумерки въ столицахъ, такъ сказать, одарены еще голосомъ, говорящимъ болѣе или менѣе громко на всю Россію. Провинція же часто бываетъ въ этомъ отношеніи безъ голоса, лишена его. Но надо въ ней жить, надо въ ней работать, чтобы знать, какъ глубоко таится среди провинціаловъ поэзія, какъ много иногда можно встрѣтить въ ней скромно и пушливо скрытаго хорошаго, изящнаго,—какъ любилъ выражаться А. П.,—несмотря на всю массу темнаго и сумеречнаго. Вотъ поэтому-то я думаю, что я имѣю особенное право сказать у этой дорогой намъ могилы не только „вѣчное прости“ А. П.—вичу, но и „вѣчная память“ его имени“.

Затѣмъ говорилъ врачъ-психіатръ Н. П. Баженовъ: „Умеръ также и А. П. Чеховъ—лекаръ. Конечно, источникъ его знанія и славы лежалъ внѣ той относительно узкой области, которая могла быть его профессиональной дѣятельностью; однако даже въ своемъ художественномъ творчествѣ А. П.—вичъ остался гораздо болѣе врачомъ, чѣмъ это обычно принято думать. Объ этомъ не мѣсто говорить здѣсь. Объ этомъ рѣчь впереди, въ другое время; но и сейчасъ необходимо отмѣтить, что онъ самъ въ своей автобіографіи признавалъ, что его занятія медициной имѣли серьезное вліяніе на его литературную дѣятельность. Какъ бы то ни было, и вчера въ огромной толпѣ, и сегодня въ ограниченной группѣ у этой свѣжей могилы собрались представители русскаго интеллигентнаго общества. Да будетъ позволено и намъ, его профессиональнымъ коллегамъ, сказать „последнее прости“ тому, кого оплакиваетъ не только его родина, но и все культурное человѣчество, да будетъ позволено намъ выразить всю нашу гордость тѣмъ, что на той же страницѣ исторіи мысли и художественнаго творчества, на которой въ числѣ другихъ славныхъ именъ значатся имена переводчика Гиппократы и Галена, профессора въ Монпелье Франсуа Раблэ и полковаго лекаря Фридриха Шиллера,—отнынѣ будетъ занесено имя земскаго русскаго врача Антона Павловича Чехова. Пусть вмѣстѣ съ славою мірового писателя въ сердцахъ русскихъ врачей живетъ незабвенная память о томъ, чье имя на вѣки украсило лѣтопись русской медицинской корпорации. Земной поклонъ этой дорогой могилѣ отъ русскихъ врачей“. Послѣ этого юристъ-писатель М. П. Свободинъ произнесъ слѣдующее прочувствованное стихотвореніе, написанное имъ „На смерть Антона Павловича Чехова“.

„И онъ ушелъ отъ насъ!..

Въ тревогѣ и печали

Его рѣчей ужъ не услышимъ мы.

Еще одинъ огонь погасъ среди нашей тьмы.

И струны скорбныя, порвавшись, замолчали.

Оконченъ тяжкій путь. Въ его душѣ цвѣла

Живая красота, какъ свѣтъ неугасимый,

Но въ сѣромъ сумракѣ среди скорбей и зла,

Онъ шелъ, загадкой вѣчною томимый,

И жизнь его все вдаль влекла неумолимо,

И скорбною его душа была.

Съ улыбкой кроткою, съ томительной тоскою

Въ глубокомъ голосѣ, во взглядѣ грустныхъ

глазъ

Онъ съ нами говорилъ... Какою красотою

Дышала его рѣчь!.. Но тяжкою рукою

Смерть обняла его... И онъ ушелъ отъ насъ.

И все, что онъ любилъ, и все, что тайной силой

Онъ оживлялъ, какъ солнечнымъ лучемъ,

Сошлось толпой тѣней надъ свѣжею могилой...

Вотъ бѣдная печаль съ поникнувшимъ челомъ

Глядитъ задумчиво. Вотъ—тайное страданье...

Вотъ тихая любовь... Въ тоскливомъ ожиданьи

Они стоятъ надъ нимъ, они скорбятъ о немъ,

Они зовутъ его! Но нѣтъ на зовъ отвѣта!

Въ холодномъ сумракѣ струна оборвалась!

Все кажется, что звукъ еще таится гдѣ-то,

Что дрогнетъ тишина, что пѣсня не допѣта

И слово зазвучитъ!.. Нѣтъ, онъ ушелъ отъ насъ“.

— *Нов. Время* со словъ вдовы покойнаго Чехова передаетъ слѣдующія посмертныя подробности: Японская война угнетала его. Жена постоянно переводила ему изъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ газетъ, и онъ всѣмъ интересовался. Когда въ день смерти въ 12½ часовъ ночи онъ проснулся и сталъ задыхаться, О. Л. послала за докторомъ. Ночью не легко было достать его тотчасъ. Когда онъ пришелъ, Чеховъ сказалъ ему по-нѣмецки одно слово „смерть“. „О нѣтъ, нѣтъ, успокойтесь, что вы“,—торопился успокоить его врачъ.—Ему тяжело было дышать, на сердце положили ледъ, потомъ онъ глотнулъ шампанскаго, которое пролилось въ горло, производя странный звукъ. Онъ сталъ бредить: „Матросъ уѣхалъ“.—„Какой матросъ?“ — „Матросъ уѣхалъ... Онъ уѣхалъ“. Очевидно, это имѣло связь съ войной. Такъ продолжалось нѣсколько минутъ. Онъ тихо угасъ безъ агоніи, уснулъ. Докторъ сказалъ, что онъ никогда не видѣлъ такой тихой и спокойной смерти чахоточныхъ.